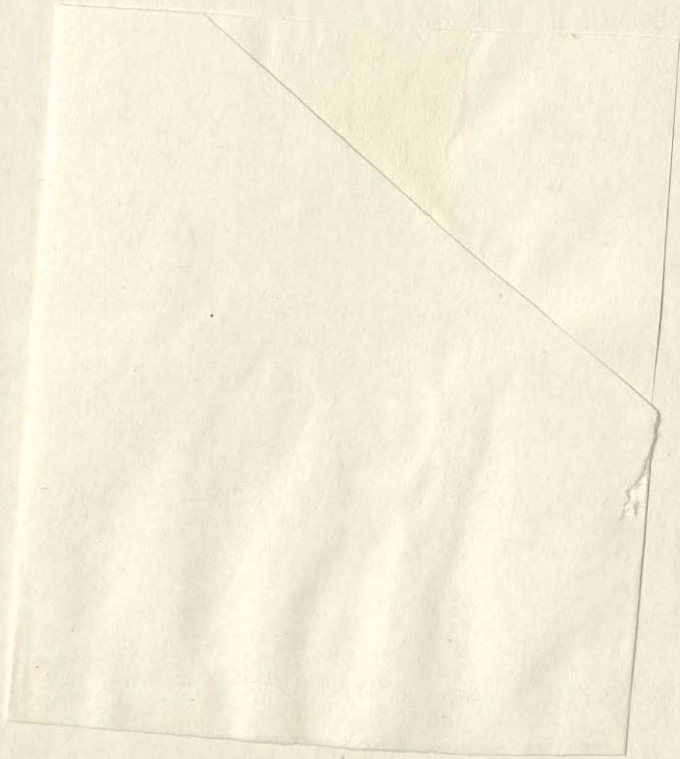

XVI $\frac{45}{10}$

1908

J 15-20

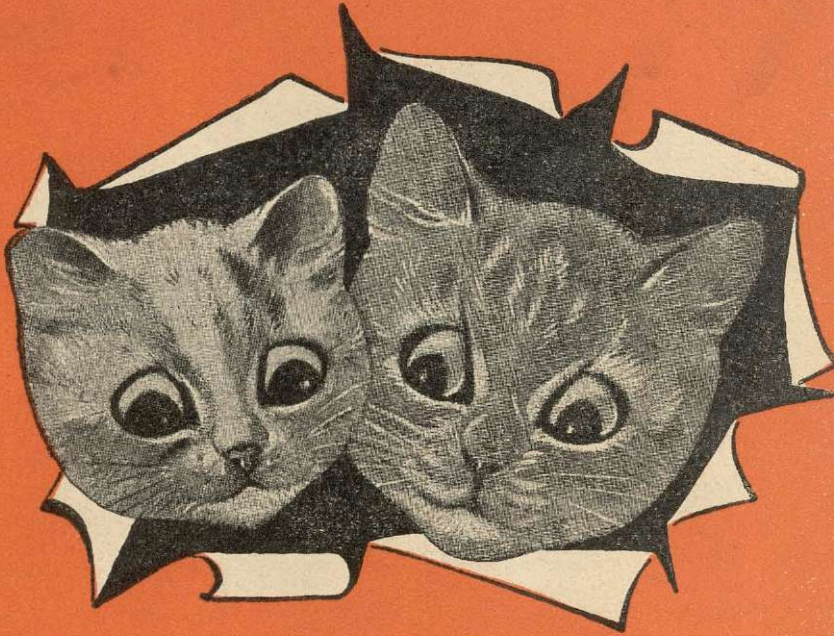

XVI 45
10

№ 15

І Ю Н Ъ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЕЛИКІЙ ИЗОБРѢТЕТЕЛЬ.
ІЮНЬСКИМЪ ВЕЧЕРОМЪ.
НОВГОРОДЦЫ (повѣсть).
ВЪ ЛѢСУ.
ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Игра въ перегонки.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ВЕЛИКІЙ ИЗОБРѢТТЕЛЬ.

Въ Америкѣ, въ небольшомъ городкѣ Миланѣ, расположенномъ на берегу рѣки Гурона, у самой воды сидѣлъ маленькій мальчикъ и строилъ изъ песка дорогу. Мимо него плыли баржи съ лѣсомъ и грузомъ зерна, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и весь ушелъ въ свое занятіе. Дорога должна была переходить черезъ вырытую имъ же канаву, которая должна была изображать собою рѣку, и мальчикъ уже сталъ обдумывать, какъ построить черезъ нее мостъ, какъ къ нему подошла его сестра Элиза и дернула его за рукавъ.

— Томасъ, слышишь? сказала она.— Очнись-же! Мама и папа зовутъ тебя обѣдать... Иди скорѣе!

Мальчикъ молча поднялся на ноги и, отряхнувъ руки, послѣдовалъ за сестрой.

— А у насъ гусыня вывела гусенятъ... сказала сестра дорогой.— Славненькіе такіе!

— Гусенятъ? спросилъ Томасъ. А затѣмъ помолчавъ немного, онъ остановился и нахмурилъ брови.— Откуда же они взялись?

— Изъ яицъ! отвѣтила сестра.— Гусыня сидѣла на ящикахъ, а гусенята и вывелись!

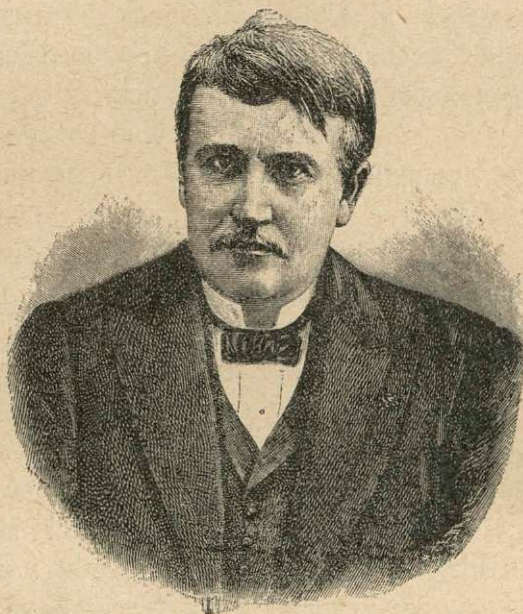
Томасъ не задавалъ больше вопросовъ и молча продолжалъ свой путь. Когда они пришли домой, его отецъ и мать уже сидѣли за столомъ и ожидали дѣтей.

— Что, опять проводилъ дорогу? обратился къ То-

масу отецъ.— Или, можетъ быть, на этотъ разъ строилъ мостъ?

Мальчикъ опустилъ глаза и покраснѣлъ.

— Ну, ну, не конфузся, продолжалъ отецъ.— Мы всѣ Эдисоны были

Томасъ Эдисонъ.

или мельниками или торговцами, такъ привыкли ѣздить по дорогамъ и черезъ мосты...

А затѣмъ, обратившись къ матери, отецъ продолжалъ:

— Нашъ Томасъ совсѣмъ не знаетъ дѣтскихъ игръ и совсѣмъ не любитъ игрушекъ... Всѣ его игры—это паровозы, да дороги...

Обѣдъ ѣли молча, а послѣ обѣда отецъ легъ спать, а мать взяла за руки Томаса и Элизу и повела ихъ въ садъ. Здѣсь на травѣ у пруда паслась гусыня съ только-что вылупившимися гусенятами. Дѣти долго смотрѣли на гусенятъ, брали ихъ на руки и ласкали. Пятилѣтній Томасъ все время сидѣлъ на корточкахъ и думалъ.

— О чемъ ты все думаешь, Томасъ? спросила его мать.

Мальчикъ всталъ на ноги и доврчиво посмотрѣлъ матери прямо въ глаза.

— Мама, спросиль онъ.—Вѣдь яйца мертвыя, не живыя... Откуда-же могли взяться изъ нихъ гусенята?

Мать улыбнулась и провела ему рукою по волосамъ.

— Въ каждомъ птичьемъ яйцѣ, отвѣтила она,—всегда есть зародышъ, находящійся въ желткѣ. Гусыня три недѣли сидѣла на яйцахъ и грѣла ихъ днемъ и ночью своимъ тѣломъ. Отъ дѣйствія этой ея природной, животной теплоты зародышъ въ яйцахъ сталъ развиваться и изъ желтковъ получились гусенята. Такъ, если-бы челоуѣкъ въ теченіи трехъ недѣль

захотѣлъ продержатъ у себя подмышкой яйцо, то и изъ этого яйца тоже вылупился-бы цыпленокъ. Все зависитъ отъ теплоты, которая должна быть не выше и не ниже теплоты тѣла...

Томасъ слушалъ мать съ захватывающимъ интересомъ. Долго она еще рассказывала дѣтямъ о томъ, что такое теплота, что такое паръ и почему движутся облака на небѣ. А когда проснулся отецъ и ее кликнули въ домъ, она оставила Томаса одного, а сама съ Элизой вышла изъ сада.

Томасъ задумчиво, медленною походкой, побрелъ къ берегу рѣки опять къ своимъ постройкамъ.

Поздно вечеромъ, когда отецъ вернулся изъ лавки и когда сѣли ужинать, снова послали Элизу за Томасомъ. Она пошла въ садъ, потомъ къ берегу рѣки, но ни тамъ, ни здѣсь его не оказалось. Она покликнула его, но только эхо съ той стороны рѣки отвѣтило ей вмѣсто брата.

— Ужъ не утонулъ-ли онъ?.. подумала она и сердце ея забилося.

— Томасъ! крикнула она.—Иди скорѣй, тебя мама зоветъ!

— Тебя мама зоветъ! отвѣтило ей эхо.

Но мальчикъ не отзывался. Дѣвочка встревожилась и побѣжала домой.

— Томасъ пропалъ! крикнула она.

Мать поднялась со стула и взялась рукою за сердце.

— Ничего, сказалъ отецъ.—Найдется.

73

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллжстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	197 г
	6	1908 и 15-20					115 76	94

И, тяжело поднявшись съ мѣста, онъ вышелъ на дворъ и тоже сталъ кричать:

— Томась! Томась! Гдѣ ты? Отзовись!

Но Томась и ему не отзывался.

Зажгли фонарь, оглядѣли весь садъ, спустились внизъ къ рѣкѣ, спросили на пристани и у сосѣдей, но никто ничего не зналъ о пропавшемъ мальчикѣ. Мать плакала, Элиза дрожала и смотрѣла широко раскрытыми глазами. Обшаривши всѣ кусты и, проведя въ поискахъ часа два, отецъ и мать должны были съ ужасомъ признать, что ихъ Томась, увлекшись постройками на берегу рѣки, свалился въ воду и утонулъ.

— Жаль, жаль... вздыхалъ Эдисонъ.— Хорошій былъ мальчуганъ! Но дѣлать нечего... Мы сами виноваты, что не доглядѣли...

А мать не проговорила ни слова.

Всю ночь отецъ, мать и Элиза не смыкали глазъ и все поглядывали на опустѣвшую постельку мальчика и вздыхали. А когда настало утро и ярко засвѣтило солнце, то уже некому было весело смѣяться въ дѣтской и топотать ногами. На дворѣ было какъ-то пусто и въ курятникѣ давно уже кричали куры и гоготали гуси; ихъ некому было выпустить на волю, такъ какъ несчастную мать уже больше ничто не занимало.

— Г-жа Эдисонъ, обратился къ ней мужъ,—ты-бы пошла и выпустила птицъ на воздухъ! Слышишь, какъ кричатъ и гогочутъ?

Г-жа Эдисонъ поднялась съ мѣста и медленно вышла на дворъ. Такъ же медленно она подошла къ курятнику и отперла его. Куры и гуси гурьбой высыпали изъ него на волю. Она дала имъ поѣсть. А потомъ вспомнивъ, что Элизѣ нужно тоже дать поѣсть, она вошла въ курятникъ, чтобы взять снесенныя за утро яйца и сварить ихъ. Она нагнулась надъ гнѣздомъ и въ темнотѣ протянула къ нему руку. Что-то мягкое нашарила ея рука и вовсе не похожее на птицу. Она присмотрѣлась и увидала что-то большее и живое.

— Кто здѣсь? испугалась она.

— Это я, мамочка... слышался голосъ Томаса.

Батюшки, это ея сынъ Томась! Неужели онъ здѣсь? Сердце ея похолодѣло.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? воскликнула она.

— Высиживаю цыплятъ... слышался отвѣтъ.

Она нагнулась, схватила его на руки и крѣпко прижала его къ себѣ.

Онъ дѣйствительно сидѣлъ на гнѣздѣ и подъ нимъ дѣйствительно оказались яйца.

— Глупый! воскликнула мать.— Ну, развѣ-же можно такъ издѣваться надъ папой и мамой? Мы такъ горевали о тебѣ всю ночь!

Мальчикъ всталъ, застегнулся и отряхнулъ съ себя перья и пыль.

— Я хотѣлъ провѣрить дѣйствіе животной теплоты... сказалъ онъ,— а ты мнѣ помѣшала.

Она взяла его за руку и повела его къ отцу. Отецъ обрадовался ему и, когда мать рассказала ему, гдѣ она нашла Томаса и почему именно, то онъ долго и весело потомъ смѣялся.

Черезъ два года Эдисоны переѣхали въ городъ Портъ-Гуронъ и купили тамъ хорошій старинный домъ, окруженный со всѣхъ сторонъ большимъ тѣнистымъ садомъ, спускавшимся къ широкой, полноводной рѣкѣ. Увидѣвъ этотъ садъ, Томасъ тотчасъ-же принялся проводить въ немъ канавки, строить желѣзнодорожныя насыпи и мосты. Цѣлые дни съ утра и до вечера онъ сталъ проводить здѣсь на воздухѣ, забывая иногда поѣсть, и все продолжая свои постройки. Одинъ разъ отецъ захотѣлъ прогуляться по саду, но такъ и вернулся ни съ чѣмъ, такъ какъ маленькій Томасъ такъ изрылъ всѣ дорожки, что по нимъ нельзя было пройти.

— Пора мальчугана учить... обратился онъ къ г-жѣ Эдисонъ.—Ему уже семь лѣтъ... Не отдать-ли намъ его въ школу?

Г-жа Эдисонъ сама была превосходной учительницей. Когда еще она была дѣвушкой, то завѣдывала богатой англійской школой и выучила массу дѣтей. Тѣмъ не менѣе она отвела Томаса въ школу, но, привыкшій къ свободѣ, къ физическому труду и къ постройкамъ, маленькій Эдисонъ такъ въ ней заскучалъ, что его попросили оттуда взять. Мать подождала два мѣсяца и, убѣдившись, что

сынъ ея еще малъ для школы, взяла его оттуда и принялась за его образование сама. Но скоро онъ перегналъ своихъ сверстниковъ и уже въ десять лѣтъ прочелъ такія книги, какія не подсилу теперь даже многимъ студентамъ университета. Способности его были прямо необычайны. Онъ глоталъ страницу за страницей, запоминалъ малѣйшія выраженія и цифры и зналъ, на какой страницѣ и строкѣ что написано. На одиннадцатомъ году онъ уже прочиталъ двѣ сажени книгъ, тѣсно поставленныхъ одна къ другой и почти выучилъ ихъ наизусть. А когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, то отецъ позвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Томъ, ты даровитый малый. Но сколько-бы ты ни читалъ и сколько-бы ни сидѣлъ дома, ты не научишься тому, чему можетъ научить тебя сама жизнь. Поэтому собери свои пожитки и поѣдемъ на вокзалъ. Я отдамъ тебя въ газетчики.

Томасъ собралъ свои книжки, связалъ ихъ въ узелокъ и, простившись съ матерью и съ сестрою, послушно послѣдовалъ за отцомъ.

Они приѣхали на станцію, гдѣ его отецъ поговорилъ съ кѣмъ-то и оставилъ Томаса одного. На него нацѣпили сумку съ газетами и сталъ онъ перебѣгать съ поѣзда на поѣздъ и изъ вагона въ вагонъ.

— Свѣжія новости! выкрикивалъ онъ.—Послѣднія извѣстія!

А потомъ, когда дѣло у него пошло, онъ взялъ на руку еще корзину

съ яблоками и съ леденцами и все такъ же бѣгая по вагонамъ, продолжалъ выкрикивать:

— Газеты и журналы! Яблоки и леденцы! Послѣднія извѣстія!

И тѣ, кому нужны были газеты, покупали газеты, а кто въ нихъ не нуждался, тотъ покупалъ у него яблоко или леденецъ.

Дѣло пошло у Томаса настолько хорошо, что онъ нанялъ уже отъ себя еще четырехъ мальчугановъ и всѣ они впятеромъ бѣгали по вагонамъ и продавали газеты и сласти. Такъ Томасъ проторговалъ четыре года и каждый годъ аккуратно посылалъ отцу по 525 рублей.

— Каковъ нашъ Томъ? восхищался имъ отецъ.—Я зналъ, что изъ него выйдетъ дѣльный малый! Это лучше, чѣмъ сидѣть дома, да слоняться изъ угла въ уголь!

Но торгуя газетами, Томасъ долженъ былъ покупать ихъ въ редакціяхъ, которыя брали съ него хорошія деньги, и отъ каждаго проданнаго номера Томасу оставалось всего только полторы копѣйки.

— Стой! сказалъ онъ.—Я буду издавать свою собственную газету и всѣ барыши будутъ оставаться у меня въ карманѣ цѣликомъ.

И вотъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ купилъ типографскій станокъ, печатный шрифтъ и, заѣвъши въ багажный вагонъ, на всемъ ходу поѣзда, сталъ печатать свою собственную газету и тотчасъ же бѣжалъ по вагонамъ ее продавать. Онъ

былъ и издателемъ, и наборщикомъ, и редакторомъ. Распродавши всѣ номера, онъ бѣжалъ опять къ себѣ въ багажный вагонъ и опять принимался за печатаніе. Дѣла его пошли хорошо.

Какъ-то въ поѣздѣ ѣхалъ главный инженеръ желѣзной дороги Стифенсонъ. Увидѣвши его газету, онъ заинтересовался ея редакторомъ.

— Отъ кого ты получаешь эту газету? спросилъ онъ Томаса Эдисона.

— Я издаю ее самъ, сэръ, отвѣтилъ мальчикъ.

— А гдѣ же помѣщается твоя редакция и типографія?

— Въ этомъ поѣздѣ, сэръ, въ багажномъ вагонѣ, въ чемоданѣ...

Стифенсонъ похвалилъ его и далъ ему разрѣшеніе помѣщаться въ багажномъ вагонѣ постоянно.

Но съ Томасомъ случилось несчастье. Онъ очень любилъ химію и все свое свободное время употреблялъ на изученіе химіи и физики. Накупивъ въ разсрочку разныхъ препаратовъ и инструментовъ, онъ открылъ у себя въ багажномъ вагонѣ цѣлую химическую лабораторію. Но такъ какъ вагонъ былъ очень тряскій, то бутылъ съ фосфоромъ повалилась и разлетѣлась вдребезги. Фосфоръ вспыхнулъ и дымъ повалилъ изъ багажнаго вагона.

— Пожаръ! горимъ! закричали пассажиры.

Кондуктора засуетились, стали давать свистки и когда вбѣжали въ багажный вагонъ, то поняли, въ чемъ дѣло.

— Что здѣсь такое? крикнулъ на оробѣвшаго Томаса старшій кондукторъ.

— Это... это... химія! отвѣтилъ Эдисонъ.—Фосфоръ...

— Вотъ я тебѣ покажу сейчасъ такую химію, закричалъ старшій кондукторъ, что ты у меня почешешься!

И схвативъ всѣ банки и аппараты, онъ безъ милосердія выбросилъ ихъ вонъ изъ вагона.

— А это что? спросилъ онъ, указавши на чемоданъ съ наборомъ.

— Это... это типографія!.. отвѣтилъ Эдисонъ.

— И типографію туда же!

И типографія полетѣла изъ окошка.

Въ это время поѣздъ подошелъ къ станціи. Расходившійся старшій кондукторъ схватилъ Томаса за шиворотъ и наградивъ его двумя хорошими тумаками по шеѣ, вышвырнулъ и его тоже изъ вагона.

— Теперь ты будешь помнить свои химію и типографію! проворчалъ онъ.—Химикъ какой нашелся! Редакторъ неумытый.

И поѣздъ отправился далѣе.

Эдисонъ побрелъ обратно вдоль полотна желѣзной дороги и сталъ подбирать выброшенные кондукторомъ банки и стклянки. Собравши то, что отъ нихъ уцѣлѣло и что осталось отъ типографіи, онъ связалъ все это въ узелъ и побрелъ къ себѣ въ Портъ-Гуронъ, гдѣ жили его отецъ и мать. Мать встрѣтила его съ распростертыми объятіями.

Томасъ занялъ въ домѣ отца одну комнату въ подвалѣ и снова съ жаромъ принялся за изданіе новой газеты и за изученіе физики и химіи. Днемъ онъ снова бѣгалъ по поѣздамъ и выкрикивалъ:—«Новая газета! Самыя послѣднія извѣстія!» а по вечерамъ занимался самообразованиемъ и печаталъ эту газету. Случалось такъ, что за трудами ему не удавалось поспать даже и двухъ часовъ въ сутки.

Но и здѣсь съ Томасомъ случилась непріятность. Одинъ изъ читателей его газеты, подумавъ, что Томасъ пропечаталъ въ ней именно его, выждавъ, когда Томасъ появился на набережной, подскочилъ къ нему, схватилъ его въ охапку и бросилъ прямо въ рѣку. Долго барахтался въ ней Эдисонъ, пока наконецъ не выплылъ благополучно на берегъ. И если бы онъ утонулъ, то однимъ великимъ челоуѣкомъ на землѣ было бы меньше.

Живя у отца, Томасъ купилъ книжку о телеграфѣ и прочиталъ ее въ одинъ присѣсть.

— Эй, Уардъ! крикнулъ онъ своему пріятелю-сосѣду.—Давай дѣлать телеграфъ!

— Давай! отвѣтилъ ему черезъ заборъ Джемсъ Уардъ.—Только гдѣ же мы возьмемъ проволоки, шкаликовъ и аппараты?

— Все это уже есть!

И, доставъ простую печную проволоку, горлышки отъ бутылокъ и самодѣльные аппараты, Томасъ сталъ проводить къ своему пріятелю телеграфъ. Горлышко бутылки вѣшалось

на вѣтку дерева, къ нему прикрѣплась проволока и такимъ образомъ получилась полная замѣна телеграфнаго столба.

Телеграфъ сталъ дѣйствовать на славу. Это такъ вскружило голову Томасу, что онъ рѣшилъ поступить въ телеграфисты.

— Поступай, поступай... сказалъ ему отецъ. — Всякій честный трудъ благороденъ и каждый человѣкъ долженъ знать все.

Но какъ поступить на телеграфъ? Кто приметъ на службу пятнадцатилѣтняго мальчугана?

Но случай ему помогъ, и опять и на этотъ разъ несчастный.

Рѣшивъ поступить въ телеграфисты, онъ сталъ обращаться ко всѣмъ начальникамъ станцій съ просьбой пристроить его гдѣ-нибудь на телеграфѣ. Но всѣ ему отказывали. Такъ онъ добрелъ до станціи «Монтъ-Клеменсъ», такой маленькой, что она скорѣе походила на сарайчикъ, чѣмъ на станцію.

Войдя въ нее, Томасъ увидѣлъ за столомъ человѣка, который принималъ съ аппарата депешу. Это и былъ начальникъ станціи.

— Вамъ кого? обратился онъ къ Эдисону.

— Мнѣ хотѣлось бы повидаться съ начальникомъ станціи... отвѣтилъ Томасъ. — Не приметъ ли онъ меня въ телеграфисты?

— Проваливайте, проваливайте! крикнулъ на него начальникъ. — И безъ васъ есть много!

— Но я очень прошу васъ, сэръ...

— Убирайтесь! Сейчасъ подходитъ поѣздъ... Не мѣшайте мнѣ заниматься дѣломъ!..

Томасъ выглянулъ въ окно на поѣздъ, да такъ и присѣлъ. Затѣмъ, не сказавъ ни слова, онъ опрометью бросился вонъ изъ вокзала и кинулся къ подходящему локомотиву. Какъ разъ на рельсахъ, почти уже у самыхъ колесъ локомотива, сидѣлъ маленькій двухлѣтній мальчикъ. Эдисонъ разбѣжался, бросился на рельсы, схватилъ ребенка и такъ же быстро соскочилъ обратно съ рельсъ. Еще бы одна секунда, — и отъ Томаса и ребенка не осталось бы ничего... Раздались свистки, поѣздъ остановился, изъ вагоновъ выбѣжала публика, а тутъ же стоялъ блѣдный, какъ полотно, Эдисонъ и держалъ на рукахъ невредимаго ребенка. Всѣ стали его поздравлять, пожимать ему руку...

— Чей это ребенокъ?

— Это мой! слышался вдругъ голосъ. — Это мой маленькій Джемми!

И всѣ увидѣли, какъ начальникъ станціи подбѣжалъ къ Эдисону и съ благодарностью принялъ отъ него ребенка. Это былъ его сынокъ.

— Чѣмъ мнѣ отплатить вамъ за это? спросилъ онъ Эдисона. — Хотите денегъ?

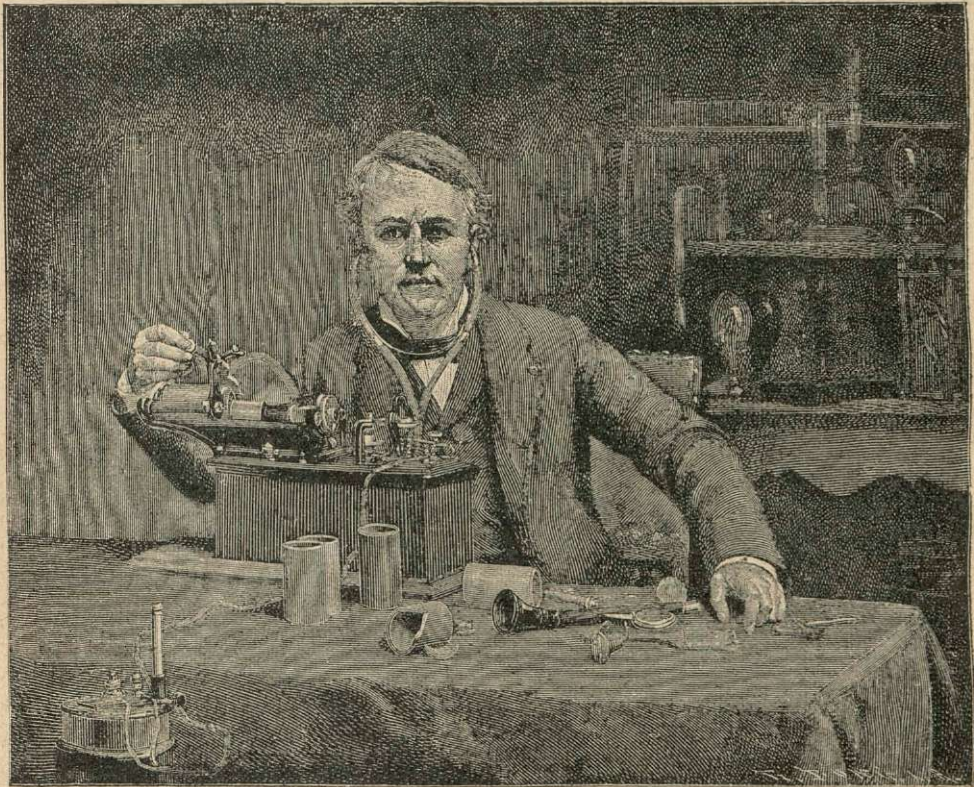
— Нѣтъ, отвѣтилъ молодой человѣкъ, — я прошу васъ только пристроить меня на службу при телеграфѣ!

Начальникъ станціи горячо пожалъ ему руку и самъ предложилъ ему вы-

учить его телеграфному искусству. И они условились такъ: днемъ Эдисонъ будетъ по-прежнему продавать на поѣздахъ желѣзной дороги газеты и журналы, а по ночамъ будетъ заниматься на телеграфѣ.

И Эдисонъ съ жаромъ принялся

тѣмъ каждыя полчаса онъ долженъ былъ посылать на главную станцію телеграмму «бодрствующую» въ доказательство того, что онъ не спитъ. И вотъ онъ пристроилъ къ телеграфному аппарату такую штуку, благодаря которой телеграфъ могъ самъ

Томасъ Эдисонъ и его фонографъ.

за новое дѣло и уже почти вовсе пересталъ спать: ему было некогда.

Черезъ пять мѣсяцевъ онъ получилъ первое жалованье и былъ переведенъ на ночную-же работу на станцію «Стрэдфордъ».

Здѣсь онъ сдѣлалъ свое первое изобрѣтеніе. Не спать цѣлыми недѣлями было ему не подь-силу, а между

посылать эти депеши. А онъ въ это время преспокойно спалъ.

Но это изобрѣтеніе его чуть не погубило. Онъ проспалъ телеграмму и когда проснулся и подбѣжалъ къ аппарату, то было уже поздно. Кто-то телеграфировалъ ему съ сосѣдней станціи:

— Томъ, ты спишь?

У камина.

— Нѣтъ, проснулся... отвѣтилъ по телеграфу Эдисонъ.

— Въ такомъ случаѣ поскорѣе спасай свою шкуру, послѣдоваль отвѣтъ.

— Почему?

— Потому что сейчасъ должно произойти столкновение поѣздовъ и все по твоей милости...

Эдисонъ испугался, и бросивъ аппаратъ, пустился бѣжать. Столкновение поѣздовъ дѣйствительно произошло, но когда хватились Эдисона, то оказалось, что онъ безслѣдно исчезъ.

А онъ тѣмъ временемъ скрывался въ подвалѣ у своего отца и выжидалъ того момента, когда о немъ позабудутъ.

И о немъ дѣйствительно скоро позабыли. Но настала весна, потекли ручьи и рѣка Гуронъ разлилась такъ, какъ рѣдко когда разливалась. Во время ледохода массы льда скопились у одного берега, навалились на телеграфный кабель и порвали его. Такимъ образомъ между Портъ-Гурономъ на этомъ берегу и станціей Сёрни на томъ берегу надолго должно было прекратиться телеграфное сообщеніе. Стали хлопотать, не знали, что дѣлать, а телеграммъ скопилось много и нужно было ихъ передавать. Узнавъ объ этомъ, Томасъ выльзъ изъ своего заточенія и побѣжалъ къ рѣкѣ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ.

— Да вотъ разрѣзало льдомъ подводный телеграфъ! отвѣчали ему.— Не знаемъ, какъ теперь быть съ телеграммами...

Томасъ не потерялся и сразу сообразилъ, какъ поправить дѣло.

— Развѣ вы не знаете, спросилъ онъ,—что каждая буква на телеграфномъ языкѣ состоитъ изъ точки и черточекъ? Такъ, точка и черточка (. —) означаютъ букву «а», двѣ черточки (— —) букву «м» и т. д.

— Знаемъ, отвѣтили ему.

— А если знаете, такъ чего-же волнуетесь? Давайте сюда локомотивъ!

И вскочивъ на локомотивъ, онъ сталъ дергать за его свистокъ, но такъ, что свистки вылѣтали короткіе и длинные, похожіе на точки и черточки.

— «Эй, въ Сёрни! Понимаете-ли вы меня»? протелеграфироваль онъ на тотъ берегъ посредствомъ свистковъ.

Скоро съ того берега слышались такіе-же свистки. «Понимаемъ, телеграфируйте дальше».

И всю ночь затѣмъ посредствомъ двухъ локомотивовъ передавались телеграммы, пока не окончился ледоходъ и пока подводный телеграфъ не былъ приведенъ въ порядокъ.

Послѣ этого Томаса снова приняли на службу на телеграфъ на станціи Адрианъ, а затѣмъ онъ переходилъ со станціи на станцію, все изобрѣтая разныя усовершенствованія въ телеграфѣ, пока наконецъ ему не поручили самый важный проводъ—именно Луисвилльскій съ жалованьемъ по 120 руб. въ мѣсяцъ. Здѣсь онъ работаль около двухъ лѣтъ и всѣ свои

деньги тратилъ на книги и на различные аппараты и машины, стараясь пополнить свое образованіе.

Въ Луисвилѣ съ нимъ былъ не-приятный случай. Когда телеграфная контора переѣзжала въ новое помещеніе, подъ которымъ находился банкъ, то Эдисонъ вмѣстѣ съ казеннымъ имуществомъ захватилъ и свою огромную бутылъ съ сѣрной кислотой, стараясь пронести ее незамѣтно наверхъ, чтобы продолжать свои научныя занятія. Но на первой-же площадкѣ лѣстницы онъ споткнулся, упалъ и разбилъ бутылъ. Сѣрная кислота просочилась въ банкъ и испортила тамъ дорогую мебель и старинныя ковры. Началась суматоха, стали искать виновника и когда узнали, что это сдѣлалъ Эдисонъ, то прогнали его со службы.

Томасъ отправился въ Цинциннати и поступилъ тамъ на телеграфъ. Но Цинциннати былъ большой городъ и имѣлъ прекрасную библіотеку. Узнавъ объ этомъ, Томасъ сталъ пропадать въ этой библіотекѣ за книгами съ вечера и до утра и съ утра до вечера, читалъ ихъ запоемъ, пудами и кончилось дѣло тѣмъ, что его уволили и отсюда.

Тогда Томасъ вернулся къ своимъ родителямъ въ Портъ-Гуронъ и рѣшилъ уже больше нигдѣ не служить.

— Эхъ, ты, бродяга! сказалъ ему отецъ. Нигдѣ-то ты не уживаешься долго! А все потому, что не найдется человѣка, который угадалъ-бы твой талантъ. Вѣдь ты очень талантливое животное!

И дѣйствительно, скоро нашелся такой человѣкъ, угадавшій Томаса Эдисона. Это былъ Милликенъ, директоръ телеграфной компаніи въ Бостонѣ. Онъ вызвалъ юношу въ Бостонъ и предоставилъ ему полную свободу заниматься изобрѣтеніями. Томасъ съ жаромъ принялся за нихъ. Онъ устроилъ здѣсь то, о чемъ такъ давно уже мечталъ, а именно—свою собственную мастерскую—и съ этихъ поръ изобрѣтенія одно за другимъ посыпались изъ-подъ его рукъ и обогатили міръ.

Черезъ два года онъ переѣхалъ въ Нью-Йоркъ и, не смотря на то, что ему было тогда всего только 23 года, его назначили главнымъ техникомъ компаніи западнаго телеграфнаго союза и дали ему громадное жалованье. Въ его распоряженіе были предоставлены теперь большіе капиталы и онъ устроилъ на нихъ въ городкѣ Нью-Йоркъ обширную электрическую мастерскую, на которой работало свыше трехсотъ человѣкъ. И изобрѣтенія посыпались изъ нея щедрою рукой, такъ что «дорога въ контору привилегій, которыя выдавались Эдисону, не успѣвала остывать отъ его шаговъ». Описаніе всѣхъ изобрѣтеній Эдисона заняло-бы десятки томовъ, на одни только усовершенствованія въ области электрическаго освѣщенія имъ взято болѣе тысячи привилегій. Но главными изобрѣтеніями Томаса Эдисона, конечно, должны считаться его электрическія лампочки, которыми освѣщается

теперь весь міръ, и его фонографъ, или говорящая машина, которую вы слышали не разъ въ переработкѣ, извѣстной подъ названіемъ граммофона.

Электрическая лампочка Эдисона извѣстна каждому. Это простой стеклянный флакончикъ, изъ котораго выкачанъ воздухъ и въ который вставлена дужка изъ проволоки или изъ перегорѣвшихъ волоконъ бамбука. Пробѣгая черезъ эту дужку, электрической токъ накаляетъ ее и она даетъ собою освѣщеніе. Какъ видите, изобрѣтеніе очень простое, далеко несложное, но тѣмъ болѣе похвалъ заслуживаетъ Эдисонъ, что до него никто не додумался до этой простоты. Что касается говорящей машины или фонографа, то и ея затѣя тоже очень проста. Поставленная передъ ртомъ пластинка, когда передъ нею говорятъ, начинаетъ дрожать. Если къ этой пластинкѣ прикрѣпить остріе иглолочки, подставить подъ иглолочку восковой валикъ и начать говорить, вращая при этомъ валикъ, то пластинка начнетъ дрожать, дрожаніе ея передастся иглолочкѣ, а иглолочка будетъ накалывать на валикъ бороздки. И если по этимъ бороздкамъ вновь процарапаетъ эта-же иглолочка, то она заставитъ этимъ проколебаться пластинку именно такъ, какъ колебалась она, когда въ нее говорили. Колебаясь, пластинка начинаетъ трещать именно такъ, что въ мельчайшихъ подробностяхъ слышится человеческая рѣчь. Будущее фонографа громадно. Уже теперь мы слышимъ

пѣніе знаменитыхъ артистовъ и музыку, но настанетъ время, когда фонографъ будетъ въ каждой семьѣ и когда мы будемъ посылать другъ къ другу письма, которыя будутъ говорить нашими голосами, и будемъ читать книги, которыя будутъ говорить.

Фонографъ изобрѣтенъ въ 1878 г. Тогда еще Эдисонъ былъ молодъ и, изобрѣтя свою говорящую машину, принесъ ее въ редакцію одной мѣстной газеты и завелъ.

— Что вамъ угодно? спросили его въ редакціи.

— Здравствуйте! послышалось вдругъ изъ машины.—Я фонографъ. Я умѣю говорить! Какъ вамъ нравится это изобрѣтеніе?

Всѣ, конечно, бросились къ машинѣ, стали ее разглядывать, спрашивать Эдисона. Эта машина объѣхала затѣмъ весь свѣтъ, побывала у насъ въ 1879 году въ Москвѣ, вездѣ привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе и вездѣ только и говорили, что объ Эдисонѣ.

Устроивъ мастерскую въ Нью-Йоркѣ въ штатѣ Джерси, Эдисонъ обходилъ однажды своихъ рабочихъ и каждому изъ нихъ давалъ порученія и дѣлалъ разъясненія. Подойдя къ одной изъ работницъ по имени Мери Сильвель, онъ долго простоялъ около нея, восхищаясь ея работой, а затѣмъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— А что, барышня, не нравлюсь ли я вамъ?

— Что вы, что вы? испугалась дѣвушка.

— Нѣтъ, нѣтъ, успокоиль ее Эдисонъ,—я вполне серьезно. Я охотно женился-бы на васъ.

Дѣвушка громко разсмѣялась, приняла это за шутку.

— Я не шучу, продолжалъ Эдисонъ.—Вы подумайте и дайте мнѣ вашъ отвѣтъ.

Дѣвушка подумала и въ слѣдующій вторникъ уже вышла за него замужъ. Все это произошло такъ скоро, что даже близкіе пріатели Эдисона ничего не знали. Да и самъ онъ въ тотъ-же день позабылъ, что уже женатъ. Проходя мимо его лабораторіи поздно вечеромъ, одинъ изъ его пріателей зашелъ къ нему и засталъ его за какимъ-то труднымъ изобрѣтеніемъ.

— Пора отдохнуть, Томъ! крикнулъ онъ ему.—Пойдемъ, пройдемся!

— А который часъ? спросилъ Эдисонъ и зѣвнулъ.

— Да уже двѣнадцать ночи... Пойдемъ.

— Хорошо, пойдемъ... отвѣтилъ Эдисонъ и уже взялся за шляпу, но вдругъ спохватился и хлопнулъ себя рукою по лбу.

— Батюшки мои! воскликнулъ онъ. А я и позабылъ!

— Что позабылъ? спросилъ пріатель.

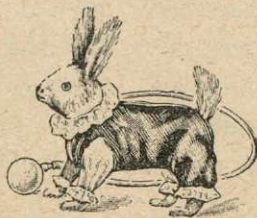
— Вѣдь я сегодня женился и дома меня ждетъ жена!

И, схвативъ пріателя за руку, онъ потащилъ его къ себѣ праздновать свою свадьбу, несмотря на первый часъ ночи.

Въ 1886 г. Эдисонъ переселился въ Менло-паркъ и устроилъ себѣ здѣсь великолѣпную мастерскую. Здѣсь онъ работалъ по восемнадцати часовъ въ сутки и былъ случай, когда въ теченіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ ему приходилось спать только урывками всего только по три часа въ день. Спалъ онъ въ креслѣ, ѣлъ только за работой, ни на минуту отъ нея не отрываясь.

Теперь Эдисонъ—высокаго роста старикъ, бритый, съ розовымъ цвѣтомъ лица и съ сѣдыми волосами. У него большой лобъ и пронзительные глаза. Онъ очень любитъ своихъ друзей, быстро сближается съ людьми и любитъ остроумные разговоры. Онъ часто шутитъ и по-прежнему цѣлые дни проводитъ за работой. У него теперь громадное состояніе и такія мастерскія и лабораторіи, равныхъ которымъ, говорятъ, нѣтъ во всемъ свѣтѣ. И, глядя на него, никто не подумалъ-бы теперь, что этотъ чловѣкъ всего только два мѣсяца пробылъ въ школѣ и больше не учился нигдѣ.

П. М.

ЮНЬСКИМЪ ВЕЧЕРОМЪ.

Вотъ вечеръ тихій. Солнце сѣло,
Росой упитана земля,
Кричатъ лягушки, все запѣло
И слышенъ крикъ коростеля.

И звонко всѣхъ перебывая,
Поетъ прекрасный соловей
И лѣсъ молчитъ, ему внимая,
Не шевеля своихъ вѣтвей.

Вотъ крикнулъ перепель, вотъ стонетъ
Куликъ среди своихъ болотъ,
Жужжитъ комаръ, ко сну насъ клонитъ
И ночь съ прохладой настаетъ.

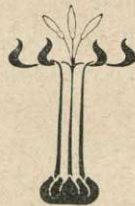
Кузнечикъ.

НОВГОРОДЦЫ.

(Повѣсть).

(Продолженіе).

На другой день Новгородъ представлялъ собою въ одно и то же время и грозную дѣятельность воинскаго стана, и великолѣпіе народнаго пиршества, даннаго Марѳою по случаю свадьбы ея дочери. Вездѣ являлись граждане въ шлемахъ и латахъ; безчисленные столы накрывались вокругъ лобнаго мѣста; ударили въ колоколъ, и граждане сѣли за нихъ; клали около себя оружіе и пировали. Мірославъ и Ксенія ходили вокругъ столовъ и просили гражданъ веселиться. Юный полководецъ ласково говорилъ съ ними; юная супруга его кланялась имъ привѣтливо. Въ этотъ день новгородцы составляли одно семейство и Марѳа была его матерью.

Она садилась за всякимъ столомъ, служила гостямъ, дружески бесѣдовала съ ними, хотѣла казаться равною со всѣми и казалась царицею. Когда она говорила, всѣ безмолвствовали; когда молчала, всѣ начинали ее прославлять.

Иностранцы украсили площадь разноцвѣтными пирамидами, изобразивъ на нихъ имена и гербы вольныхъ городовъ нѣмецкихъ. Вокругъ пирамидъ, въ большихъ корзинахъ, лежали товары чужеземные: Марѳа дарила ихъ народу. Всѣ новгородцы ликовали, не думая о будущемъ. Пиршество закончилось вечеромъ потѣшными огнями.

Затѣмъ Новгородъ началъ воору-

жаться. Ежедневно отправлялись гонцы въ его области, съ повелѣніемъ высылать войско. Жители береговъ Невы, озера Ильменя, Онеги, Мологи, Ловати, Шелони, одни за другими являлись въ общемъ лагерѣ, въ который Мірославъ вывелъ новгородцевъ. Усердіе и дѣятельность юнаго полководца удивляли самыхъ опытныхъ витязей. Онъ встрѣчалъ на конѣ солнце, составлялъ полки, пріучалъ ихъ къ походу, къ быстрому движеніямъ. Ксенія гордилась Мірославомъ, когда онъ блестящимъ взмахомъ меча приводилъ все войско въ движеніе, леталъ орломъ среди полковъ, отдавалъ приказанія и единымъ словомъ останавливалъ быстрыхъ тысячи; но чрезъ минуту слезы катились у нея изъ глазъ... Она съ улыбкою спѣшила отирать ихъ, а мать строго на нее при этомъ смотрѣла.

Наконецъ пришло извѣстіе, что Іоаннъ уже идетъ къ Новгороду со своими храбрыми, опытными войсками. А у Новгородцевъ еще изъ дальнихъ областей новгородскихъ, отъ Каргополя и Двины, не пришли войска; но верховный совѣтъ уже далъ Мірославу приказъ, чтобы онъ готовился встрѣтить Іоанна. Сердца родителей и женъ затрепетали... Тысячи войскъ заколебались и выступили въ поле. Мірославъ велѣлъ войску остановиться на равнинѣ... Марѳа явилась посреди его и сказала:

— Воины! въ послѣдній разъ взгляните на вашъ городъ: судьба его на-

писана теперь на вашихъ щитахъ! Мы встрѣтимъ васъ со слезами радости или отчаянія. Если вы возвратитесь съ побѣдою, то мы будемъ счастливы; если возвратитесь побѣжденными, то мы позавидуемъ мертвымъ! Вы идете спасать свой городъ. Идите-же не съ миромъ, а съ войною для мира! Донинѣ Богъ любилъ насъ; донинѣ говорили всѣ народы: «Кто противъ Бога и великаго Новгорода!» Идите. Съ вами Богъ!

Заиграли трубы и литавры. Мірославъ вырвался изъ объятій Ксеніи, сѣлъ на коня, блеснулъ мечемъ—и войско двинулось.

— Кто противъ Бога и великаго Новгорода! закричали Новгородцы.

Знамена развѣвались, оружіе гремѣло и сверкало, земля стонала отъ конскаго топота—и въ облакахъ пыли скрылись грозныя войска. Жены новгородскія не могли удержаться отъ слезъ, но Ксенія уже не плакала и съ твердостью сказала матери:

— Отнынѣ ты будешь моимъ примѣромъ!

Еще много жителей осталось въ Новгородѣ, но тишина, которая въ немъ наступила по отходѣ войска, стала замѣтной. Торговая сторона опустѣла: уже иностранные купцы не раскладываютъ тамъ своихъ товаровъ; огромныя хранилища, наполненныя богатствами, затворены. И Новгородъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ шумный и воинственный, кажется великою пустыней. Всѣ храмы отворены съ утра до полуночи. Священники не

1. Одному французу надоѣло жить въ городѣ и онъ удалился въ пустыню.

2. Здѣсь къ нему подошелъ одинъ мудрый индусъ и попросилъ у него милостыню.

3. У француза нашлась въ карманѣ золотая монета и онъ отдалъ ее индусу.

4. — Сынъ мой! воскликнулъ индусъ.—За такую твою щедрость я предоставляю тебѣ даръ: съ этихъ поръ, когда ты взглянешь сурово на своего врага, то онъ тотчасъ-же обратится въ камень!

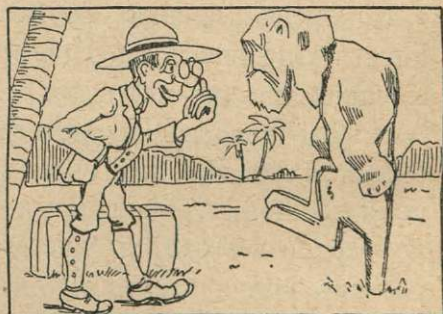
5. Желая проверить слова индуса, французъ взглянулъ сурово на подошедшую къ нему торговку и—

6. — она тотчасъ-же превратилась въ камень. Онъ поточилъ обѣею свою бритву, побрился и отправился къ себѣ обратно во Францію.

7. По дорогѣ на него напалъ тигръ. Французъ посмотрѣлъ на него и—

8. тигръ тотчасъ-же превратился въ камень и воткнулся хвостомъ въ землю.

снимаютъ ризь, свѣчи не угасаютъ предъ образами, ѳиміамъ безпрестанно курится въ кадилахъ, и молебное пѣніе не умолкаетъ ни на минуту; народъ толпится въ церквахъ; старцы

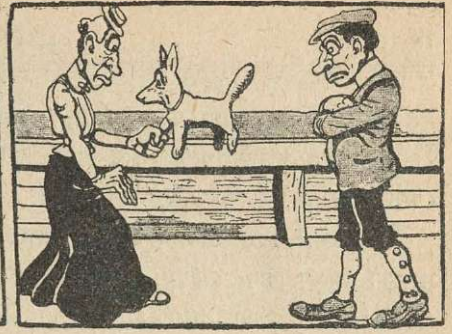
и жены преклоняютъ колѣна. Робкое ожиданіе, страхъ и надежда волнуютъ сердца, и люди, встрѣчаясь на площадяхъ, не видятъ другъ друга... Одна Марѳа тверда душою, дѣятельна

9. Добравшись до берега моря, французъ съѣлъ на корабль.

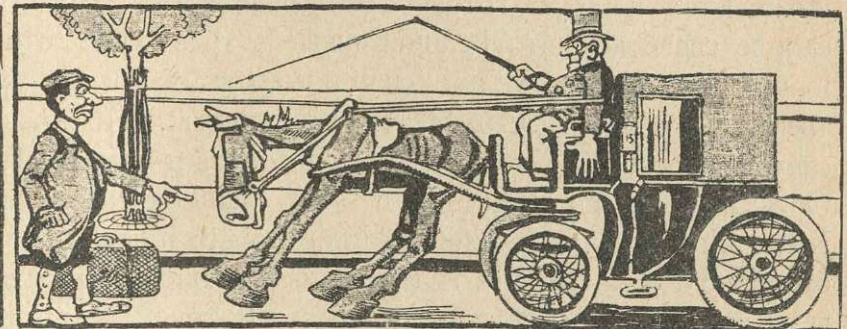
10. Здѣсь на него залаяла собачка, онъ взглянул на нее,—

11. — и вмѣсто собачки у ея хозяйки оказалась каменная игрушка.

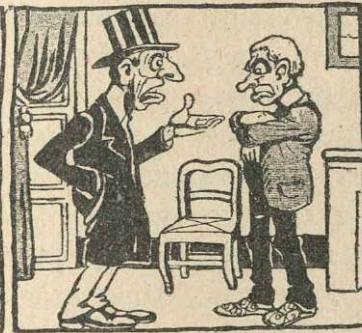
12. Французъ прибылъ въ Парижъ.

13. Здѣсь на него чуть не наѣхалъ извозчикъ, но стоило только ему взглянуть на него, какъ лошадь, извозчикъ, карета и кнутъ—все это обратилось въ камень.

14. Городовой хотѣлъ схватить его, но окаменѣлъ и повалился на землю.

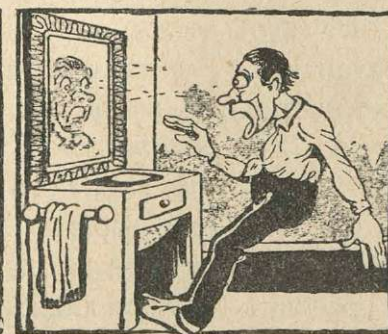
15. Квартирный хозяинъ пришелъ получать съ него деньги за квартиру,

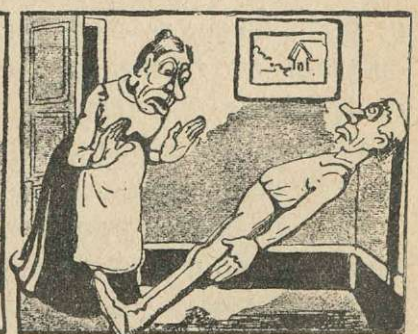
16. но и его постигла та-же участь.

17. Французъ сдѣлалъ изъ него подставку для палки и зонтовъ.

18. Но французъ позабылъ, что ему нельзя было смотрѣть на самого себя. Онъ поглядѣлъ на себя въ зеркало и окаменѣлъ и самъ.

19. И когда вбѣжала къ нему его горничная, то она увидѣла вмѣсто него его каменную статую.

на вѣчѣ и весела съ домашними. Юная Ксенія не уступаетъ матери. Онѣ вмѣстѣ проводятъ дни и ночи.

Первый гонецъ отъ Мірослава нашелъ ихъ въ саду; Ксенія поливала цвѣты, Марѳа сидѣла подъ вѣтвями дуба, въ глубокомъ размышленіи. Мірославъ писалъ, что войско его изъясняетъ жаркую готовность поскорѣе сразиться, что Великій князь Іоаннъ соединилъ полки свои съ тверскими и уже приближается, что славный воевода московскій Василій Образецъ идетъ впереди и что Холмскій командуетъ всѣми московскими войсками. Второй гонецъ привезъ извѣстіе, что новгородцы разбили уже отрядъ княжескаго войска и взяли въ плѣнъ 50 московскихъ дворянъ. Съ третьимъ Мірославъ написалъ только одно слово: «сражаемся». Тутъ сердце Марѳы наконецъ затрепетало: она побѣжала на площадь, сама ударила въ вѣчевой колоколъ, и объявила гражданамъ о началѣ рѣшительной битвы. А затѣмъ она стала на лобномъ мѣстѣ, устремила взоръ на московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце всходило... Уже лучи его пылали, но еще не было никакого извѣстія. Народъ ожидалъ въ глубокомъ молчаніи и смотрѣлъ на посадницу. Уже наступалъ вечеръ... и Марѳа сказала:

— Я вижу облака пыли.

Всѣ подняли руки къ небу... Марѳа долго не говорила ни слова... Вдругъ, закрывъ глаза, она воскликнула:

— Мірославъ убитъ! Іоаннъ побѣдилъ!

И бросилась въ объятія къ Ксеніи. Съ высокаго лобнаго мѣста Марѳа увидѣла разсѣянные тысячи бѣгущихъ и среди нихъ колесницу, осѣненную знаменами: такъ возили новгородцы тѣла убитыхъ своихъ вождей...

Безмолвіе старцевъ въ великомъ городѣ было ужаснѣе вопля женщинъ... Но посадница скоро ободрилась и велѣла отпереть ворота. Бѣглецы не смѣли явиться народу и скрывались въ домахъ. Колесница медленно приближалась къ площади. Вокругъ нея шли, потупивъ глаза въ землю, воины; кровь запеклась на ихъ оружіи; обломанные щиты, обрубленные шлемы, показывали слѣды безчисленныхъ непріятельскихъ ударовъ.

Колесница остановилась на Великой площади... Граждане обнимали воиновъ; слезы текли у нихъ изъ глазъ. Марѳа открыла тѣло убитаго Мірослава... На блѣдномъ лицѣ его изображалось вѣчное спокойствіе смерти...

— «Счастливый юноша!» произнесла она.

Ксенія обливала слезами лицо своего мужа, но матери сказала:—Будь покойна: я вѣдь дочь твоя!

На щитахъ посадили одного храбраго воина Михаила, ослабѣвшаго отъ ранъ; онъ собралъ изнуренныя силы, поднялъ голову, оперся на мечъ и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Народъ и граждане! разбито наше войско, убитъ нашъ полководецъ. Небо лишило насъ побѣды,— но не славы! Мы встрѣтились съ Иоанномъ на берегахъ Шелони. Мы шли въ серединѣ, тихо и въ безмолвіи. Мірославъ впереди наблюдалъ движеніе и силу враговъ. Войска Иоанна были многочисленнѣе нашихъ; необозримые ряды ихъ тѣснились по равнинѣ. Мы видѣли князя московскаго на бѣломъ конѣ; видѣли, какъ онъ блестящимъ мечемъ указывалъ на новгородцевъ и на ихъ хоругвь; видѣли князя Холмскаго, съ сильнымъ отрядомъ идущаго окружить насъ... Мірославъ отдалъ приказаніе, и наше войско двинулось къ нему на встрѣчу. Пылая нетерпѣніемъ, Мірославъ летѣлъ туда же на конѣ. Тогда, воскликнувъ: «кто противъ Бога и великаго Новгорода?» всѣ ряды наши устремились въ битву и сразились... На всей равнинѣ затрещало оружіе и кровь полилась рѣкою. Я видалъ битвы, но никогда такой не видывалъ. Тысячи падали, но каждый хотѣлъ заступитъ мѣсто убитаго. Воины Иоанна стояли непоколебимо: новгородцы стремились на нихъ какъ бурныя волны. Мы шли впередъ за полководцемъ нашимъ, который искалъ глазами Иоанна. Князь-же московскій былъ окруженъ свитой изъ богатырей; Мірославъ разсѣкъ эту крѣпкую ограду. Тогда мы удвоили наши силы—и скоро главная дружина московская замѣшалась. Новгородцы готовы были уже празд-

новать побѣду; но въ это время мы съ удивленіемъ увидѣли, что князь Холмскій зашелъ сзади и сталъ насъ тѣснить. Мірославъ спѣшилъ ободрить изумленныхъ новгородцевъ, но онъ помогъ имъ только умереть съ бѣльшей честью! Онъ сражался какъ левъ, и вскорѣ палъ отъ руки Холмскаго; но падая на берегу Шелони, онъ бросилъ мечъ свой въ быстрыя ея воды, чтобы онъ не достался врагу.

Тутъ ослабѣлъ голосъ Михаила, взоръ его помрачился, блѣдныя уста онѣмѣли, мечъ выпалъ изъ рукъ. Онъ задрожалъ и закрылъ на вѣки свои глаза. Чиновники положили тѣло его на колесницу, рядомъ съ Мірославомъ.

— Убиты ли сыны мои? спросила Марѳа съ нетерпѣніемъ.

— Оба, отвѣтили ей.

— Слава Богу! сказала она. Отцы и матери новгородскіе! теперь я могу утѣшать васъ!.. Но прежде выслушайте меня. Еще не все погибло. Когда желѣзныя ступени перестанутъ звучать подъ моими ногами; когда въ глубокоюю ночь погаснетъ лампада въ моемъ высокомъ теремѣ, тогда скажите: все погибло!.. Теперь-же воздадимъ послѣднюю честь вождю Мірославу и витязю Михаилу!

Она дала знакъ рукою и колесница тронулась. Чиновники и народъ проводили ее до Софійскаго храма. Теофилъ съ духовенствомъ встрѣтили ихъ. Степенный посадникъ и тысяцскій положили тѣла въ гробы.

Наступила глубокая ночь. Никто не могъ успокоиться въ великомъ городѣ. Чиновники поставили стражу и заперлись въ домѣ Ярослава для совѣта съ Марѳою. Граждане толпились на площадяхъ и боялись войти къ себѣ въ дома, опасаясь вопля женъ и матерей. Утомленные воины не хотѣли отдохновенія; они стояли предъ лобнымъ мѣстомъ, облокотясь на щиты и говорили: «побѣжденные не отдыхаютъ!» — Ксенія молилась надъ тѣломъ Мірослава.

На утренней зарѣ раздалось пѣніе въ Софійскомъ храмѣ. Гробы витязей были открыты. Марѳа, Ксенія, старецъ, и воины съ окровавленными знаменами окружали ихъ. Горе изображалось на лицахъ; никто не смѣлъ стонать и плакать. Затѣмъ гробы опустили въ землю. Посадница стала на могилу, и держа въ рукѣ цвѣты, сказала:

— Честь и слава храбрымъ! Здѣсь лежатъ знаменитые витязи; совершили ихъ подвиги и они успокоились въ могилѣ. Пусть это мѣсто будетъ для всѣхъ священно!

И Марѳа разсыпала на могилѣ цвѣты.

А войска Іоанна уже приближались къ Новгороду и стали медленно его окружать; народъ съ высокихъ стѣнъ смотрѣлъ на ихъ грозныя движенія. Уже бѣлый шатеръ великаго князя съ золотымъ шаромъ на вершинѣ стоялъ предъ вратами и новгородскій тысяцкій долженъ былъ отправиться посломъ къ Іоанну. Гото-

вые умереть за вольность, новгородцы тайно желали сохранить ее миромъ и выслали къ великому князю тысяцкаго для переговоровъ о сдѣчѣ на почетныхъ условіяхъ, но Іоаннъ отвѣтилъ ему:

— «Покорность безъ всякихъ условій, или гибель всѣмъ вамъ!»

Въ страшномъ озлобленіи народъ сталъ требовать сраженія и битва началась снова...

Одни только русскіе могли такъ сражаться, и могли такъ побѣждать. Опытность и хладнокровіе благоприятствовали Іоанну; пылкая храбрость одушевляла новгородцевъ; юноши и отроки становились въ ряды на мѣсто убитыхъ и воины московскіе не чувствовали ослабленія отъ ударовъ противниковъ. Три раза обновлялась дружина княжеская и знамена ея дымились отъ крови.

Своимъ величіемъ Іоаннъ одушевлялъ войска московскія, а Марѳа въ Новгородѣ подбодряла своихъ. Лучъ надежды не угасалъ въ сердцахъ и новгородцы сражались. Марѳа стояла на стѣнѣ, смотрѣла на битву и держала въ рукѣ хоругвь; иногда, видя отступленіе новгородцевъ, она грозно обращала ихъ вновь на битву. Ксенія не разлучалась съ нею. Казалось, что эта невинная кроткая душа веселилась ужасами кровопролитія.

При восходѣ солнца ударили наконецъ въ вѣчевой колоколь. Граждане летѣли на площадь, и всѣ глаза устремились на лобное мѣсто. Марѳа

и Ксенія вели на его желѣзныя ступени пустычника Θεодосія. Народъ общимъ крикомъ изъясвилъ свою радость и удивленіе. Сопровождаемый тысячскими и боярами, знатный новгородецъ несетъ золотую цѣпь изъ Софійскаго храма, возлагаетъ ее на старца и говоритъ ему:

— Будь еще разъ посадникомъ великаго города! Исполни желаніе верховнаго совѣта!

И отшельникъ, который въ тишинѣ пустыни позабылъ уже всѣ радости и скорби человѣка, вспомнилъ еще разъ обязанность гражданина: онъ принялъ на себя главное начальство надъ городомъ.

Марѳа убѣдила Θεодосія торжественно явиться передъ народомъ; она думала, что это сильно подѣйствуетъ на его воображеніе, и не обманулась. Граждане цѣловали руки старца, какъ дѣти, которыя въ отсутствіи отца были несчастливы и теперь надѣются, что его мудрость прекратитъ ихъ бѣды.

Но скоро открылось новое бѣдствіе; осажденный со всѣхъ сторонъ войсками Іоанна, Новгородъ сталъ испытывать голодъ. Еще нѣсколько времени новгородцы терпѣливо сносили недостатокъ: народъ едва питался и молчалъ. Марѳа страдала въ глубинѣ души, но еще являлась народу въ спокойномъ величій, слуги носили за нею корзины съ хлѣбомъ, она раздавала ихъ, встрѣчая блѣдныя, изнуренныя лица — и народъ еще благословлялъ ее. Чиновники день и

ночь были въ собраніи... Уже нѣкоторые изъ нихъ молчаніемъ изъяснили, что они не одобряютъ упорства посадницы, а нѣкоторые даже совѣтовали войти въ переговоры съ Іоанномъ; но стоило только столѣтнему Θεодосію сѣдыми волосами отереть свои слезы, а Марѳѣ вступить въ засѣданіе совѣта и всѣ снова казались твердыми.—Граждане, гонимые тоскою изъ своихъ домовъ, нерѣдко видали по ночамъ, при свѣтѣ луны, старца Θεодосія, стоящаго на колѣняхъ предъ храмомъ Софійскимъ; юная Ксенія вмѣстѣ съ нимъ молилась; но мать ея во время тишины и мрака любила уединяться на кладбище и, облокотясь тамъ на могилу мужа, подолгу сидѣла въ глубокой задумчивости.

Наконецъ ужасы голода стали обнаруживаться и страшный вопль, предвѣстникъ мятежа, раздавался по улицамъ и площадямъ. Несчастныя матери зывали: «грудь наша изсохла, она уже не питаетъ младенцевъ!» И Солдаты новгородскіе восклицали: «мы готовы умереть; но не можемъ видѣть смерти нашихъ отцовъ!» И Борецкая спѣшила на лобное мѣсто, указывала на свое блѣдное лицо и умоляла всѣхъ потерпѣть. Но народъ уже не хотѣлъ слушать ее и не хотѣлъ умолкнуть. И она содрогнулась... Гордая, величаяя, она вдругъ упала на колѣна, подняла руки кверху и смиренно стала просить народъ выслушать ее... Пораженные этимъ униженіемъ, граждане безмолствовали...

Въ послѣдній разъ, вдругъ заговорила она:—Необходимо—въ послѣдній разъ сразиться съ Іоанномъ и пусть небо рѣшитъ нашу судьбу!..

И всѣ воины въ одно мгновение обнажили свои мечи. Ворота города отворились и они бросились на битву. Но войско Іоанна встрѣтило новгородцевъ и Марѳа увидѣла наконецъ пораженіе своихъ, прижала свою дочь къ сердцу, взглянула на лобное мѣсто и тихими шагами побрела къ себѣ домой, опираясь на плечо Ксеніи.

Новгородскія войска погибли. Граждане и чиновники хотѣли видѣть Марѳу и широкій дворъ ея наполнился толпами людей; она растворила окно, сказала только: «дѣлайте, что хотите!» и закрыла его. Тогда по требованію народа, Θεодосій отправилъ пословъ къ Іоанну: Новгородъ отдавалъ ему всѣ свои богатства, уступалъ всѣ области, но просилъ только одного—это сохранить его вѣче и свободу. Іоаннъ же отвѣчалъ:

— Я васъ милую, но никакихъ условій не принимаю.

Въ глубокую ночь, при свѣтѣ факеловъ, Θεодосій объявилъ гражданамъ рѣшительный отвѣтъ великаго князя... Взоры ихъ невольно искали Марѳу; невольно они устремились на высокій ея теремъ, но тамъ угасла ея вѣчная ночная лампада! И они вспомнили слова посадницы... Нѣскольکو времени царствовало глубокое молчаніе. Никто не хотѣлъ первый изъяснить согласія на требо-

ванія Іоанна; наконецъ новгородцы вздохнули и сказали:

— Богъ покоряетъ насъ князю московскому, пусть онъ будетъ отцомъ Новгорода.

И въ эту послѣднюю ночь новгородцы не смыкали глазъ, сидѣли на площади, ходили по улицамъ и нарочно приближались къ воротамъ, гдѣ стояла воинская стража и на вопросъ ея: кто они? еще съ тайнымъ удовольствіемъ отвѣчали: «Вольные люди новгородскіе!» Вездѣ было движеніе; огни не угасали въ домахъ и только въ одномъ жилищѣ Борецкихъ все казалось мертвымъ.

Взошло солнце и лучи его озарили великаго князя Іоанна: онъ сидѣлъ на тронѣ, подъ хоругвию среди своихъ полководцевъ и бояръ; взоръ его сіялъ величіемъ и радостію. Θεодосій медленно приближался къ трону; за нимъ шли всѣ чиновники великаго Новгорода. Посадникъ сталъ на колѣна и вручилъ князю серебряные ключи отъ городскихъ воротъ, тысяцкіе переломили жезлы свои и старосты пяти концовъ новгородскихъ положили сѣкиры къ ногамъ Іоанна. Слезы лились изъ глазъ Θεодосія.

— Государь! сказалъ онъ,—судьба наша въ рукахъ твоихъ. Отнынѣ воля твоя будетъ для насъ единственнымъ закономъ. Если мы кажемся тебѣ виновными, то пусть падутъ наши головы! Если же ты простишь насъ, то мы будемъ вѣрными твоими подданными: ибо сердца

русскія не знаютъ измѣны и клятва ихъ надежна. Твори съ нами, что тебѣ угодно.

Іоаннъ далъ знакъ рукою и Холмскій поднялъ Оеодосія.

— Судь мой есть правосудіе и милость! сказалъ онъ: милость всѣмъ чиновникамъ и народу...

А новгородцы стояли въ мрачномъ безмолвіи, потушивъ глаза въ землю.

— Идите... сказалъ Іоаннъ,—пусть узнаетъ народъ, что я далъ повелѣніе Холмскому принять начальство надъ городомъ.

Друзья Борецкихъ хотѣли видѣть Марѳу: она и дочь ея сидѣли въ теремѣ за рукодѣльемъ...

— Не бойся Іоанна, сказали они, онъ всѣхъ прощаетъ...

Марѳа отвѣчала имъ гордою улыбкою — и въ это самое мгновеніе вдругъ застучало оружіе въ ея домѣ.

Это входитъ Холмскій, ставитъ у дверей солдатъ и велитъ боярамъ новгородскимъ удалиться. Не измѣняясь въ лицѣ, Марѳа подала имъ руку и сказала:

— Прощайте навсегда!

Бояре удалились. Тогда Холмскій съ угрозами началъ ее допрашивать о тайныхъ связяхъ ея съ Литвою; но посадница молчала и спокойно шила золотомъ. Видя непреклонную ея твердость, онъ смягчилъ голосъ и сказалъ:

— Марѳа! Государь повѣритъ одному только твоему слову. Скажи, была-ли ты въ союзѣ съ Литвою?

Марѳа по-прежнему молчала. Гра-

ждане толпились вокругъ дома Борецкихъ и напрасно солдаты пытались ихъ разсѣять; но вдругъ раздался звонъ колоколовъ во всѣхъ пяти концахъ города, и народъ, всегда любопытный, забылъ на время судьбу Марѳы и бросился навстрѣчу Іоанну, который съ величіемъ и торжествомъ въѣзжалъ уже въ Новгородъ, подъ сѣнію хоругви, въ вѣнцѣ Мономаха и съ мечемъ въ рукѣ.

Заклученная въ домѣ своемъ, Марѳа услышала этотъ колокольный звонъ и громкія восклицанія: «да здравствуетъ государь великаго Новгорода!..» Тогда она обратилась къ Ксеніи:

— Давно ли, сказала она, этотъ народъ славилъ Марѳу и вольность Новгорода? Теперь онъ увидитъ кровь мою и даже не покажетъ слезъ своихъ. Я могла бы наслаждаться тихимъ семейнымъ счастіемъ, удовольствіями доброй матери, богатствомъ, всеобщею любовью, почтеніемъ людей и нѣжною памятью объ отцѣ твоемъ; но я все принесла въ жертву свободѣ моего народа! Тутъ она впервые стала плакать.—И вотъ теперь, продолжала она,—я спокойно ожидаю смерти!.. Я знаю Іоанна, и онъ знаетъ меня и я не ожидаю отъ него пощады!..

Ксенія слушала свою мать и хорошо понимала, что она говоритъ. А Іоаннъ тѣмъ временемъ подъѣхалъ къ Софійскому храму и сошелъ съ коня: Оеофилъ и духовенство встрѣтили его съ крестами. Онъ

Гриша поднялся со стула и заглянул за занавѣску.

приказалъ служить молебень и всѣ воеводы московскіе, преклонивъ колѣна, слезами изъявили свою радость. Затѣмъ Іоаннъ угостилъ роскошною трапезою знатнѣй-

шихъ бояръ новгородскихъ и державною рукою своею сыпалъ золото на бѣднѣйшихъ гражданъ.

Вечеру многочисленныя стражи явились на площадяхъ и велѣли гражданамъ удалиться; но любопытные украдкою выходили изъ домовъ и видѣли, какъ въ глубокую полночь Іоаннъ и Холмскій тихо шествовали къ Софійскому храму; два воина освѣщали ихъ путь факеломъ; здѣсь они остановились въ оградѣ и великій князь наклонился надъ могилою юнаго Мірослава и сталъ плакать. А затѣмъ эти любопытные были приведены въ ужасъ другимъ зрѣлищемъ: они видѣли множество костровъ на Великой площади, слышали стукъ сѣкиръ и высокій эшафотъ явился вдругъ предъ домомъ Марѣы.

На разсвѣтѣ загремѣли воинскіе бубны. Всѣ войска московскія были въ движеніи и Холмскій съ обнаженнымъ мечемъ скакалъ уже по улицамъ. Народъ трепеталъ, но собирался уже на Великой площади, чтобы узнать чью-то судьбу. Тамъ на эшафотѣ лежала уже сѣкира. На-

конецъ желѣзные запоры упали и ворота Борецкихъ растворились: выходитъ Марѣа въ золотой одеждѣ и въ бѣломъ покрывалѣ. Старецъ Θεодосій несетъ передъ нею образъ. Блѣдная, но твердая Ксенія ведетъ ее за руку. Копья и мечи окружаютъ ихъ. Не видно лица Марѣы; но такъ величаво выступаетъ она, какъ раньше выступала только на вѣчѣ. Ужасная тишина воцарилась повсюду; посадница остановилась предъ домомъ Ярослава. Θεодосій благословилъ ее. Она хотѣла обнять свою дочь, но Ксенія упала; Марѣа положила руку ей на грудь и быстро взошла затѣмъ на высокій эшафотъ, здѣсь она сорвала съ себя покрывало и все еще казалась спокойною; съ любопытствомъ посмотрѣла она на лобное мѣсто, взглянула на мрачное, покрытое облаками небо и съ величественнымъ уныніемъ опустила взоръ свой на гражданъ...

— Подданные Іоанна! вдругъ громко крикнула она, — умираю гражданскою новгородскою!

Дѣти бросились къ нему и поглядѣли въ гостиную.

Палачъ взмахнулъ топоромъ и Марѳы не стало... Многіе невольно воскликнули отъ ужаса; другіе закрыли глаза рукою. Тѣло посадницы одѣли чернымъ покровомъ... Ударили въ бубны и Холмскій, держа въ рукѣ хартію, сталъ на лобномъ мѣстѣ. Бубны умолкли... Онъ снялъ съ себя пернатый шлемъ и громко прочиталъ слѣдующее:

— Народъ и бояре! не ужасайтесь: Іоаннъ не нарушитъ своего слова; онъ васъ не тронетъ. Кровь Борецкой была необходима, ибо

высокомъ крыльцѣ безоружный и съ непокрытою головою; онъ смотрѣлъ на гражданъ и положилъ руку на сердце.

Холмскій надѣлъ свой шлемъ. Войска княжескія закричали:

— Слава и долгодѣіе Іоанну!
Народъ-же еще безмолвствовалъ.

А Иванъ Игнатьичъ все продолжалъ свое интересное чтеніе.

она была непримиримымъ его врагомъ. Отнынѣ предадимъ забвенію всѣ минувшія бѣдствія; отнынѣ вся земля Русская будетъ нашимъ отечествомъ, а государь главою. Благоустройство, правосудіе и безопасность вотъ три столпа гражданскаго счастья на землѣ и Іоаннъ обѣщаетъ ихъ вамъ предъ лицомъ Всемогущаго Бога...»

Тутъ князь Московскій явился на

Тогда заиграли на трубахъ—и въ одно мгновеніе высокой эшафотъ упалъ. На мѣстѣ его взвилось вдругъ бѣлое знамя Іоанна, и граждане воскликнули: слава государю Россійскому!

А старецъ Θεодосій, сложивъ съ себя званіе посадника, снова удалился въ пустыню и тамъ, на берегу великаго озера Ильменя, погребъ тѣла

Марыи и Ксеніи, которая вскорѣ-же умерла. Купцы чужеземные вырыли для нихъ могилу, а на гробѣ изобразили буквы, которыхъ смыслъ и донынѣ остается тайною. Изъ семисотъ нѣмецкихъ гражданъ только пятьдесятъ человѣкъ пережили новгородскую осаду; они немедленно-же удалились въ свои земли. А вѣчевой колоколь былъ снятъ съ древней башни и отвезенъ въ Москву; народъ и нѣкоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за нимъ съ безмолвною горестью и со слезами, какъ нѣжныя дѣти за гробомъ своего отца.

Бабушка кончила.

Дѣти молчали и только слышно было, какъ по ту сторону занавѣски Иванъ Игнатьичъ все еще продол-

жалъ свое чтеніе и какъ изрѣдка покашливалъ папа.

— Ну, что интересно? спросила ихъ бабушка.

— Интересно, бабушка!.. отвѣтили дѣти хоромъ.

— А я думала, что вы заснете!

Но дѣти были готовы слушать еще и еще и только жалѣли, что бабушка мало рассказала.

Гриша поднялся со своего стула и заглянулъ за занавѣску. Затѣмъ онъ обернулся къ братьямъ и сестрамъ и тихонько поманилъ ихъ къ себѣ пальцемъ. Дѣти бросились къ нему, поглядѣли въ гостиную, да такъ и окаменѣли отъ удивленія.

Кромѣ папы и мамы всѣ слушатели спали...

А Иванъ Игнатьичъ все продолжалъ свое интересное чтеніе.

По Н. М. Карамзину.

ВЪ ЛѢСУ.

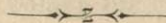
По тропинчкѣ, заросшей
И цвѣтами и травой,
Я иду,—густыя ели
Стелютъ вѣтви предо мной.

На верху синѣетъ небо;
Пѣсни птицъ звенятъ кругомъ;
Ручеекъ журчитъ въ ложбинкѣ,—
Струйки блещутъ серебромъ.

Я не трону птички малой
И не буду рвать цвѣтовъ
И ловить не стану сѣткой
Я веселыхъ мотыльковъ;—

Пусть живутъ: вѣдь не надолго
Имъ земная жизнь дана,—
Пусть пройдетъ при блескѣ солнца
Въ свѣтлой радости она!..

Ив. Бѣлоусовъ.

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ.

Уже половина девятого, а Диночка все еще спитъ. Раза два-три входила горничная Малаша въ ея комнату и будила ее. Но Диночка пробурчитъ ей что-то въ отвѣтъ, повернется на другой бокъ и опять заснетъ еще крѣпче. Наконецъ, горничная подошла къ ея кровати и стала трясти ее за плечо.

— Барышня, Надежда Сергѣевна! Вставайте скорѣе, а то въ гимназію опоздаете! Баринъ и барыня сердиться на васъ будутъ и меня заругаютъ. Девять часовъ скоро!

Диночка сразу очнулась и сѣла, протирая глаза.

— Скорѣй, скорѣй, Малаша! сквозь сонъ проговорила она: Давай одѣваться!

Черезъ четверть часа Диночка была уже въ прихожей и одѣвала шубку и шапочку.

— Барышня, да выпейте хоть чашечку молока теплаго!—уговаривала ее горничная.—Вредно не пивши, не ѣвши, на улицу на морозъ выходить!—

— Нѣтъ, нѣтъ, Малаша! Некогда торопливо отвѣтила Диночка, одѣвая на ходу теплыя перчатки. И такъ на молитву опоздала!

Она такъ быстро шла, что Малаша еле за ней поспѣвала.

Диночка пришла въ гимназію, когда молитва уже кончилась, и всѣ разошлись по классамъ. Сердечко ея ёкнуло!

— Только-бы начальницѣ на глаза не попасться. Ольга Георгіевна такъ не любитъ, когда опаздываютъ!—думала она, быстро взбѣгая по лѣстницѣ. А начальница уже стоитъ на верхней площадкѣ и смотритъ, прищуривъ свои близорукіе глаза, на запыхавшуюся Диночку.

— Bonjour, Ольга Георгіевна!—говоритъ Диночка, дѣлая низкій реверансъ.

— Bonjour, mon enfant!—отвѣчаетъ начальница.—Отчего вы опоздали?

— Простите, Ольга Георгіевна, я проспала!—откровенно признается Диночка, слегка краснѣя. Чуть замѣтная улыбка появилась на губахъ у Ольги Георгіевны, но сейчасъ-же исчезла.

— Что-же, поздно легли вчера? Долго уроки готовили?

— Нѣтъ, Ольга Георгіевна! Я зачиталась. Очень интересная книга мнѣ попала.

— А уроки хорошо приготовили?

— Не всѣ, Ольга Георгіевна!

— А вдругъ вызовутъ сегодня?

— Я постараюсь въ перемѣну выучить.

— Ай, ай! Нехорошо. Всему—свое время. Надо прежде уроки приготовить, а потомъ за чтеніе приниматься,—покачала головой начальница.— Ну, Богъ съ вами! Хотя уроки уже начались, но вы можете войти въ

классъ. Только извинитесь передъ учителемъ!

Диночка поблагодарила начальницу и отправилась въ классъ. Ольга Георгиевна проводила ее должимъ взглядомъ.

— «Славная дѣвочка!» — подумала она, — «неиспорченная, правдивая. Дай Богъ, чтобы она осталась такою на всю жизнь!»

Всѣ ученицы третьяго класса такъ и ахнули мысленно, когда дверь ихъ класса вдругъ распахнулась, и на порогѣ показалась изящная фигурка Диночки Невельской. Учитель исторіи, худенькій желчный старикъ, ничего не отвѣтилъ на ея извиненія, только кивнулъ ей головой, молча вынулъ часы изъ кармана и многозначительно показалъ ихъ классной дамѣ, сидѣвшей за отдѣльнымъ столикомъ у окна съ работой въ рукахъ.

— Смотрите, дескать, какъ поздно ваши воспитанницы въ гимназію являются!

Классная дама поманила къ себѣ Диночку, которая успѣла уже сѣсть на мѣсто.

— Зачѣмъ вы вошли въ классъ? — шепнула она Диночкѣ, пронизывая ее строгимъ пристальнымъ взглядомъ. Вы, вѣдь, хорошо знаете, что опоздавшія на урокъ остаются до звонка въ залѣ?

— Мнѣ Ольга Георгиевна позволила.

— А, ну это другое дѣло. Можете идти на мѣсто!

Не прошло и десяти минутъ, какъ историкъ вызвалъ Диночку отвѣчать

урокъ. Урокъ она отвѣтила ясно и толково. Онъ сталъ ей предлагать особенно трудные вопросы изъ пройденнаго. Но Диночка съ честью вышла и изъ этого испытанія. Видно было, что курсъ исторіи ей хорошо знакомъ.

— Очень хорошо, г-жа Невельская! Очень хорошо-съ. Благодарю! — расшаркался передъ ней историкъ. Откровенно говоря, не ожидалъ я отъ васъ такого отвѣта сегодня. Я былъ увѣренъ, что вы не приготовили урока! Съ удовольствіемъ ставлю вамъ двѣнадцать, да еще съ крестомъ!

Веселая усмѣшка скривила его ротъ. Отвѣтъ Диночки его развеселилъ. Онъ до конца урока шутилъ, смѣялся, а послѣ звонка подруги окружили Невельскую, поздравляли ее, благодарили за то, что она умилоствовала учителя.

— А то онъ такой злой сегодня пришелъ, говорили онѣ, — ко всѣмъ придирался, вѣрно съ лѣвой ноги всталъ! Диночка кое какъ отдѣлалась отъ нихъ, схватила учебникъ географіи и убѣжала въ умывальню учить урокъ. Но какъ выучить за 5, 10 минутъ то, чего не выучишь и въ полчаса?

На второмъ урокѣ была письменная работа по ариметикѣ. Диночка быстро сдѣлала задачи и стала рассылатъ подругамъ записочки съ рѣшеніемъ хода дѣйствій. Одна изъ такихъ записочекъ попала случайно въ руки Людмилѣ Николаевнѣ, учительницѣ ариметики.

И разсердилась-же она!

— Это кто писалъ? воскликнула она.—Признавайтесь сію-же минуту! Чьихъ это рукъ дѣло? Чей это почеркъ?

Кромѣ Диночки такія-же записки пересылала еще и Люда Кузьминская. Но та такъ растерялась, что чуть со страху въ обморокъ не упала. Поблѣднѣла, какъ полотно. Такъ и замерла на мѣстѣ. Взглянула Диночка на нее и пожалѣла ее отъ души.

— «Ну, чего струсила?»—подумала она.—«Головы не снимутъ!»—И поднялась съ мѣста.

— Это я писала!—громко заявила она.

— Невельская!—воскликнула учительница.—Да какъ вамъ не совѣстно! Большая дѣвочка и не понимаетъ, что это нечестно! Я вамъ такъ довѣряла до сихъ поръ, думала, что вы не способны на обманъ. Вы были всегда такою правдивою!

Краска смущенія залила Диночкѣ лицо, уши и даже шею.—Слезы навернулись ей на глаза.

— Я не буду больше, Людмила Николаевна!—чуть слышно проговорила она, низко опустивъ голову.

— То-то: «не буду!»—передразнила ее Людмила Николаевна. Въ другой разъ подумайте, прежде чѣмъ сдѣлать что-нибудь!—совсѣмъ уже другимъ тономъ проговорила она.

— Садитесь и сидите смирно до конца урока!

Диночка просидѣла до звонка, не шелохнувшись. Ее поразило, что Людмила Николаевна, всегда такая до-

брая и ласковая, такъ разсердилась на нее сегодня.

— «Мнѣ и въ голову не приходило, что это нечестно»,—думала она.—«Просто мнѣ жаль было подругъ, что онѣ не могутъ рѣшить такихъ легкихъ задачъ. Я и хотѣла ихъ избавить отъ дурныхъ отмѣтокъ. Неужели это нечестно?»

По окончаніи урока, классная дама подозвала Диночку къ себѣ и сдѣлала ей строгій выговоръ.

— Вамъ непременно надо было-бы сбавить на этой недѣлѣ баллъ за поведеніе,—сказала она.—Но такъ ужъ и быть... Можете идти и, пожалуйста, разъ навсегда запомните, что никогда никакихъ записокъ подругамъ за урокомъ передавать нельзя!

— «Зачѣмъ это она мнѣ говоритъ?»—подумала Диночка.—«Вѣдь, я же сказала Людмилѣ Николаевнѣ, что больше не буду никогда! Неужели же я совру?»

А географія такъ и оставалась невыученной. «И на грѣхъ мнѣ вчера эта книга подъ руки попалась, когда еще не всѣ уроки были приготовлены?»—продолжала думать Диночка.—«Только исторію и успѣла выучить! А то бы историкъ никогда не простилъ!»

Когда ученицы вошли въ классъ, то увидали, что на стѣнахъ развѣшены быля карты Африки, Америки и Австраліи. Это значило, что учительница будетъ не спрашивать, а рассказывать урокъ дальше, или-же повторять старое. Диночка просіяла.

— «Слава Богу!» подумала она.—

«Старое-то я хорошо помню. Лишь бы новое не спрашивали меня.—Господи помоги мнѣ»,—отъ души помолилась она и даже незамѣтно перекрестилась подъ передникомъ.

Учительница начала рассказывать дальше. Многія дѣвочки облегченно вздохнули и спрятали книжки въ попитры. Но въ то время, какъ она рассказывала, Диночкѣ вдругъ страшно затѣлось ѣсть. Только сейчасъ она вспомнила, что у нея со вчерашняго вечера ни крошки не было во рту и что сегодня утромъ она ушла въ гимназію, такъ ничего и не поѣвши. Такъ и засосало у нея подъ ложечкой. Что дальше, то больше ѣсть хочется.

— «А мнѣ такой хорошій завтракъ сегодня дали! стала она думать.—Булка съ ветчиной, булка съ малиновымъ вареньемъ, да еще груша большая! Такъ вкусно, просто прелесть! Но какъ начать ѣсть во время урока?» А между тѣмъ голодъ становился все сильнѣе и сильнѣе.—«Я только ма-аленькій кусочекъ отломлю и съѣмъ!»—вдругъ рѣшила она и полѣзла въ столъ...

Рѣшено—сотворено. Диночка слегка приоткрыла крышку попитра, отломилла кусочекъ буттерброда и незамѣтно съѣла. Но этого ей показалось мало. Она отщипнула еще кусочекъ булки, еще и еще. Кусокъ за кускомъ, и отъ буттерброда съ ветчиной не осталось и помина. Захотѣлось ей пить. Но гдѣ взять молока или воды? «Ага, подумала Диночка,—«у меня груша есть»... Не долго ду-

мая, она принялась за грушу. А груша сочная, вкусная, душистая... Но только что откусила Диночка кусокъ, не успѣла его проглотить, какъ вдругъ строго окликнула ее учительница:

— Невельская! Вы никакъ уже завтракаете?

Диночка вздрогнула и выронила отъ испуга грушу изъ рукъ. Груша откатилась къ ногамъ учительницы и легла ей прямо на платье.

— Это ни на что не похоже, вдругъ вспыхнула учительница. Такъ себя вести нельзя! Завтракаетъ за урокомъ! Ничего не слушаетъ! Идите сейчасъ-же отвѣчать урокъ!

Диночка вышла къ доскѣ и покраснѣла, какъ спѣлая вишня. Она не смогла сказать ни слова!

— Отвѣчайте-же! крикнула учительница. Но Диночка молчала.

— А, такъ вы еще упрямитесь!—еще громче воскликнула учительница, не хотите отвѣчать! Думаете, мнѣ есть время съ вами возиться! Садитесь!

И лихорадочно открывъ журналъ, она обмакнула перо въ чернила и выставила Диночкѣ единицу. А затѣмъ она тяжело задышала черезъ ноздри и написала длинное замѣчаніе.

Диночка точно окаменѣла. Ни слезинки не выкатилось у нея изъ глазъ. Только на сердцѣ точно легъ тяжелый камень. Съѣла она на мѣсто, сдвинула брови, и стиснула зубы. Подруги съ удивленіемъ на нее смотрѣли и стали перешептываться.

«Что съ ней? Отчего это она сегодня такая?»

По окончаніи урока классная дама повела Диночку къ начальницѣ.

— Вы сегодня совершенно невозможны, прошептала она.—Пойдемте-ка къ начальницѣ. Я все расскажу про васъ Ольгѣ Георгіевнѣ!

Диночка молча встала и послѣдовала за классной дамой.

Ученицы третьяго класса всѣ смолкли и изумленными глазами проводили Диночку. Къ начальницѣ ученицы водили очень рѣдко, только попавшихся въ какой-нибудь особенной шалости. Провинившіяся обыкновенно громко плакали, просили прощенія у классной дамы, а Невельская и звука не проронила. Только еще больше поблѣднѣла.

Въ канцеляріи, куда ввела классная дама Диночку, начальницы не было, но за то былъ инспекторъ гимназіи, полный высокій господинъ, съ большою окладистой бородой и слегка помятой манишкой.

— А, маленькую преступницу привели!—шутливо заговорилъ онъ, добродушно улыбаясь.—Кайтесь, кайтесь въ своихъ грѣхахъ! Признавайтесь, въ чемъ провинились?

А Диночка точно воды въ ротъ набрала. Она стояла, какъ окаменѣвшая, и низко опустила голову.

— Что-же, Невельская, вы молчите?—строго сказала ей классная дама.

Но Диночка оставалась безмолвною, и только закусилась себѣ губы, чуть не до крови. Она чувствовала, что если скажетъ хоть одно слово, то расплечется горько, навзрыдъ, какъ

маленькій ребенокъ. И ей стоило большихъ усилій удержать себя отъ слезъ.

— «Зачѣмъ я вчера зачиталась! думала она съ тоскою.—Выучила бы географію, такъ ничего бы и не было!

— Вотъ полюбуйтесь на нее!—обратилась классная дама къ инспектору.—Дѣвочкѣ уже одиннадцать лѣтъ, а она капризничаетъ, какъ маленькая. Губы надула и не смотритъ ни на кого. Слова отъ нея не добьешься!

— Ай, ай, какъ нехорошо!—покачалъ головой инспекторъ,—зачѣмъ же упрямиться? Повинилась, да и все тутъ! Нехорошо, нехорошо!—повторилъ онъ и вышелъ изъ канцеляріи.

Точно какой-то клубокъ подкатилъ вдругъ Диночкѣ къ горлу. Ей стало трудно дышать. Еще одно мгновеніе и она разрыдалась-бы и быть можетъ даже лишилась-бы чувствъ, но въ это время въ канцелярію вошла начальница. Взглянувъ на разстроенное лицо Диночки и на классную даму, она сразу поняла, въ чемъ дѣло, и нахмурила брови.

— Оставьте насъ, Марья Леонтьевна однихъ... сухо сказала она классной дамѣ.

И когда та удалилась, начальница подошла къ Диночкѣ и ласково потрепала ее по щекѣ.

— Что, Динуся, попалась?—ласково обратилась она къ ней. Вотъ,— правда моя и вышла! Опять повторяю: надо было сначала всѣ уроки приготовить, а потомъ ужъ и за чте-

ніе приниматься! Всему—свое время! Безъ чтенія тоже нельзя, но и объ урокахъ забывать не слѣдуетъ... А ты вотъ увлеклась и посмотри, что изъ этого вышло?..

Диночка больше не могла сдерживать себя и громко зарыдала.

— Ну, ничего... стала утѣшать ее начальница и ласково притянула ее къ себѣ. Все обойдется, успокойся! Ты у меня честная, правдивая душа и я знаю, что ты меня никогда не обманешь...

Диночка вернулась въ классъ совершенно спокойной, и если-бы не красные глаза, то никто и не догадался-бы, что она горько плакала.

Увидѣвъ ее, классная дама удиви-

лась. Она думала, что Ольга Георгіевна разсердится, назначить Невельской какое-нибудь суровое наказаніе, и вдругъ—ничего подобного. Она глазамъ своимъ не повѣрила.

А Диночка сидѣла въ это время у себя въ классѣ и все повторяла:

— Всему свое время! Всему свое время!

И для нея теперь было ясно, что если когда-нибудь ей попадется на глаза какая-нибудь интересная книга, когда уроки еще будутъ выучены не всѣ, то она ни за что на свѣтѣ не позволитъ себѣ повторить то, что заставило ее теперь такъ жестоко страдать.

В. О. Смѣльская.

РѢШЕНІЕ РЕБУСА № 6.

Ужъ бл+изъ+к+овесъ+на+с+
корона+до+подъ+ма+зы+вать+
колеса.=Ужъ близко весна, скоро
надо подмазывать колеса.

РѢШЕНІЕ ШАРАДЫ № 10.

Кол+кость=колкость.

РѢШЕНІЕ ГОЛОВОЛОМКИ. ИЗЪ № 11.

Повода, овода, вода, ода, да, а.

Вѣрное рѣшеніе ребуса, шарады и головоломки прислали: Шура Чернытнская, Андрюша Федотовъ—донской казачекъ, Шура Шостаекъ—А-

tenburg въ Саксоніи, Наташа Изергина въ Усть-Двинскѣ, Надя Панафутина въ Нижнемъ-Новгородѣ, Наташа Ильина въ Царскомъ Селѣ; Тая, Ася и Ника Полинзонъ въ Спб., Юганна Германовская на ст. Граково, К. Ротманъ въ Армавирѣ, Шура и Ида Бровцыны въ Кронштадтѣ, Нина Баліева въ Ростовѣ-на-Дону, Лека Рабиновичъ, Катя и Котя Николаевы въ Харьковѣ, Миша Ефремовъ въ Сумахъ, Аня Смѣкалова въ Бахмутѣ, Анатолій Андрусъ въ Бахмутѣ.

Шараду и головоломку вѣрно рѣшили: Ал. Куценковъ въ Спб., Маруся Адоие и Мара Ховень въ Курскѣ, Гриша Годиць въ Фастовѣ, и Георгій Селиновъ.

Шараду вѣрно рѣшили: Василій Штіопуло въ Кишиневѣ, Коля Баскаковъ въ Спб.

Головоломку вѣрно рѣшилъ Григорій Изумрудовъ на ст. Балашовъ.

Задачу № 5, головоломку и ариомографъ № 4 вѣрно рѣшили: Ляля и Маруся Борисоглѣбскіе въ Усть-Сысольскѣ.

Задачу № 5 вѣрно рѣшилъ Сережа Плакса-Ждановичъ въ Красноярскѣ.